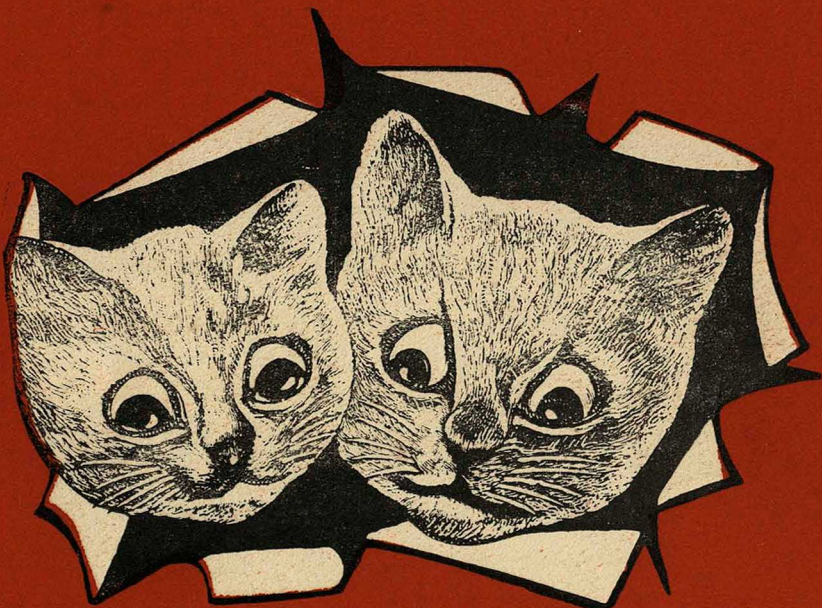

Годъ изданія пятый.

АПРѢЛЬ,

№ 11.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

АПРѢЛЬ.
ДЯДЯ-КОЛЯ.
ВЕСЕННЕЕ УТРО.
МАРУСЯ (повѣсть).
РАННЕЙ ВЕСНОЙ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Вагонъ трамвая для склеиванія.
«Въ уютномъ уголкѣ» (листь 6-й).

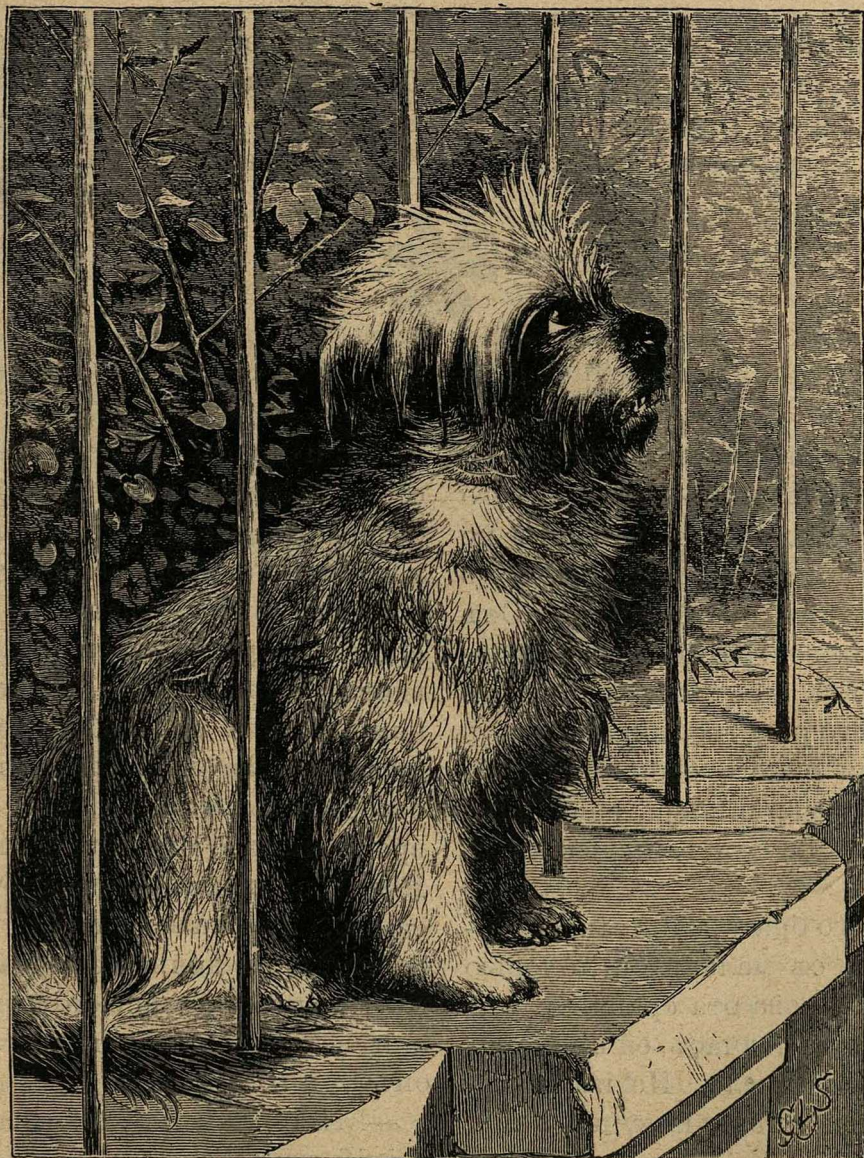
№ 11. Апрель 1912.

Годъ издания V.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

У садовой ограды.

☼ А П Р Ъ Л Ь. ☼

Весна, весна! Уже Апрель,
 Такъ много солнышка и свѣта!
 Теперь—не больше трехъ недѣль,
 И насъ распусятъ ужъ на лѣто.

И мы отправимся туда,
 Гдѣ ужъ давно поютъ кукушки
 И гдѣ у берега пруда
 Трещатъ крикливыя лягушки;

Гдѣ въ свѣжей зелени вѣтвей
 Уже такъ много сладкой тѣни
 И гдѣ прекрасный соловей
 Съ утра поетъ въ кустѣ сирени;

Гдѣ у окрестныхъ поселянъ
 Дожди ужъ пашню оросили...
 И мы ужъ папу попросили,
 Чтобъ онъ купилъ для насъ сѣмянъ.

Кузнечикъ.

Д Я Д Я К О Л Я.

Дядя Коля жилъ замкнуто и одиноко. Говорили, что у него водились средства и что онъ не нуждался ни въ чемъ, но этого въ точности не зналъ никто. Онъ всегда былъ угрюмъ, неразговорчивъ, нигдѣ не бывалъ и, какъ казалось его родственникамъ, жилъ только для одного себя. Это мнѣніе о немъ укрѣпилось еще болѣе послѣ исторіи съ выигрышнымъ билетомъ.

Послѣ его брата, капитана, осталась вдова съ маленькой дочерью Леночкой. Вдова эта сравнительно нуждалась и подчасъ ей приходилось очень тяжело. Не имѣя никакихъ средствъ и получая лишь небольшую пенсію, она должна была часто лечиться, потому что постоянно кашляла и иногда

цѣлыми днями не вставала съ постели. Кромѣ того, нужно было содержать няню Гавриловну, которая очень любила Леночку и ухаживала за ней, какъ за родной. Иногда приходилось такъ, что вдова тайкомъ отъ Леночки и няни ходила въ ломбардъ и закладывала тамъ до поры до времени серебряныя ложки. Въ первое время послѣ смерти брата дядя Коля навѣщалъ его осиротѣвшую семью, помогалъ ей, но и сама вдова, и ея дочь Леночка всегда какъ-то побаивались его угрюмости и чувствовали себя неловко, когда онъ у нихъ бывалъ.

— Ишь, какой бука! говаривала всякій разъ Гавриловна, когда онъ отъ нихъ уходилъ.—Все сидитъ, да молчитъ...

И Леночка привыкла считать его дѣйствительно буквой, никогда не ласкалась къ нему и всегда смотрѣла на него исподлобья.

— И въ кого онъ, матушка Марія Александровна, такой уродился? продолжала няня. — Вѣдь нашъ покойный баринъ вашъ мужъ, дай Богъ ему царство небесное, — былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Точно не родные братья!

Марія Александровна только молчала, такъ какъ и сама не разъ задавала себѣ этотъ-же самый вопросъ.

У вдовы послѣ мужа остался выигрышный билетъ. Въ минуту жизни трудную она хотѣла заложить этотъ билетъ, но за него мало давали и она обратилась за помощью къ дядѣ Колѣ.

— Если хотите, сестра, просто отвѣтилъ онъ ей, — то я могу его у васъ купить!

Марія Александровна подумала и согласилась.

„Все равно, рѣшила она, — на этотъ билетъ не выиграешь никогда“!

Дядя Коля обрадовался случаю помочь своей невѣсткѣ и уплатилъ ей за билетъ на цѣлые сто рублей больше, чѣмъ онъ стоилъ. Какъ женщина, она не замѣтила этой прибавки и думала, что дядя Коля уплатилъ ей столько, сколько было нужно.

Черезъ полъ-года на этотъ билетъ палъ выигрышъ въ восемь

тысячъ рублей. Марія Александровна еще помнила номеръ своего билета и очень разволновалась, когда прочитала объ этомъ въ газетѣ.

„Зачѣмъ я его продала?“ стала она себя упрекать. — „Какую я сдѣлала глупость“!

И вотъ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ она написала дядѣ Колѣ письмо:—

„Дорогой Николай Геннадіевичъ, писала она.—На нашъ билетъ вы выиграли 8000 рублей. Вы знаете, какъ я нуждаюсь. Подѣлитесь этой суммой съ нами, помогите мнѣ! Я больна, мнѣ нужно воспитывать свою дочь. Согласитесь, что если-бы я не продала Вамъ этотъ билетъ, то всѣ эти восемь тысячъ были-бы теперь мои и моя Леночка была-бы обезпечена, можетъ быть, на всю жизнь“.

Дядя Коля отвѣтилъ ей на это письмо только тремя словами:

„У меня нѣтъ ничего“!

Это обидѣло Марію Александровну, она назвала его за глаза жаднымъ и съ тѣхъ поръ ихъ отношенія прекратились совсѣмъ. Дядя Коля по прежнему присылалъ хотя и небольшіе подарки деньгами или золотыми или серебрянными вещами, но предубѣжденной противъ него Маріи Александровнѣ они казались подачками и оскорбляли ее. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ здоровье Маріи Александровны становилось все

хуже и хуже и кончилось дѣломъ, что она окончательно слегла въ постель.

Бѣдиль долго врачъ, было съѣдено и выпито много лекарствъ, но пользы все оказывалось мало. Марія Александровна продолжала кашлять и кромѣ того ее волновало еще и то, что доктору не было уплачено еще ни одной копейки и что въ аптекѣ за лекарства не платили уже мѣсяца два.

— Кто за все это будетъ платить? вздыхала больная и это заставляло ее страдать.

А когда прошла зима и наступили первые признаки весны, то докторъ объявилъ, что Марію Александровну нужно вести въ Крымъ.

Бѣдная больная заволновалась еще болѣе: гдѣ было взять средствъ на поѣздку?

— Я сама пойду къ дядѣ Колѣ, сказала Леночка, — и попрошу у него денегъ на дорогу! Вѣдь онъ выигралъ на нашъ билетъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! испугалась Марія Александровна. — Не будемъ больше обращаться къ нему!

И какъ ни была она возбуждена противъ дяди-Коли сама, ей все таки было неловко, что въ ея отношенія съ братомъ покойнаго мужа была посвящена и Леночка.

„Зачѣмъ я не остереглась? думала она. — Не надо-было-бы Леночкѣ о многомъ знать!“

Начались долгія размышленія,

какъ быть и что дѣлать. Рѣшили попросить займы у тети-Нади. Это была свѣтская дама, рѣдко бывавшая у Маріи Александровны, но относившаяся и къ больной, и къ ея дочери съ большой симпатіей.

— Знаешь, что, мама? продолжала Леночка. — Я попрошу денегъ у тети-Нади! Она дастъ! Она не такая злая, какъ дядя-Коля!

— Только на нее одну и осталась надежда, отвѣтила немного успокоившись вдова и стала собирать дѣвочку гулять.

— Иди, Леночка, прогуляйся!... продолжала она. — Тебѣ уже давно пора выйти на воздухъ. Кстати зайдешь и къ тетѣ-Надѣ...

Няня взяла дѣвочку за руку и онѣ вышли на улицу. Было начало Апрѣля. Деревья только-что покрылись свѣженькой, молоденькой листвою и въ воздухѣ стоялъ запахъ тополей. Кое-гдѣ въ канавкахъ пробивалась зеленая трава. Весело щебетали птицы и среди улицы громко чирикали воробьи. Во многихъ домахъ выставляли рамы и мыли окна. Видно, было, что устанавливалась настоящая, прочная весна. Леночкѣ было пріятно идти въ легкомъ пальто и вдыхать въ себя теплый, ароматный вѣтеръ, но она была сегодня какъ-то особенно больше скучна. Ее не веселило ничто. Вчера она нечаянно подслушала, что говорилъ ея мамѣ докторъ.

— Зачѣмъ-же мнѣ уѣзжать въ Крымъ, докторъ, обратилась къ нему Марія Александровна, — если у насъ начинается такая теплая весна?

— Это тепло обманчиво, отвѣтилъ ей докторъ. — Черезъ недѣлю могутъ снова начаться холода, задуесть вѣтеръ, пойдетъ снѣгъ, тогда вамъ будетъ бѣда... Нашъ климатъ безусловно для васъ вреденъ и я рекомендовалъ-бы вамъ поскорѣе отправляться въ путь.

„Значить, мама больна опасно“, думала Леночка. — „Значить, мы должны уѣхать отсюда совсѣмъ и уже больше не возвратимся сюда никогда!...“

Онѣ не застали тетю-Надю дома, оставили ей письмо отъ мамы и пошли назадъ. По дорогѣ онѣ зашли въ городской садъ, тамъ Леночка долго гуляла и играла съ подругами и когда онѣ возвратились домой, то звонили уже къ вечернѣ.

— Ну, Леночка, обратилась къ ней мама, — давай укладываться... Пора ѣхать на югъ!

— А какъ-же деньги? удивилась дѣвочка.

— Безъ тебя пріѣзжала ко мнѣ тетя-Надя и привезла. Она очень жалѣла, что не увидѣла тебя. Велѣла тебя поцѣловать.

Начались сборы. День отъѣзда былъ назначенъ черезъ четыре дня, въ субботу. Все это время няня и Леночка много хлопотали,

и суетились и укладывали вещи. Принесли съ чердака корзину и чемоданъ и стали укладывать въ нихъ бѣлье и платья. Сдѣлали наскоро стирку. Няня гладила бѣлье и его, еще теплое, Леночка относилась къ мамѣ, которая откладывала, что брать и чего не брать; затѣмъ Леночка несла отобранное къ корзинѣ. Глядя на нее, какъ она хлопотала и безъ умолку щебетала, какъ птичка, няня увлекалась ей, улыбалась во все свое старческое лицо и повторяла:

— Ишь ты, вострушка моя, и сдѣлать то все сумѣешь и развеселить-то всѣхъ насъ своимъ голоскомъ-то милы-имъ! Такъ-бы взялъ тебя, да и проглотилъ-бы съ удовольствіемъ, какъ конфетку самоцвѣтную!

Три дня промелькнули въ хлопотахъ совершенно незамѣтно. Завтра, въ субботу, уже нужно было уѣзжать. Все уже было готово. Только няня все еще суетилась около плиты и пекла для своей любимицы сладкіе пирожки въ дорогу.

— Какъ съѣшь пирожокъ-отъ, говорила она, — такъ и вспомни меня въ дороженькѣ... говорила она Леночкѣ, то и дѣло вытирая фартукомъ слезы.

Вечеромъ наканунѣ отъѣзда, Марія Александровна послала въ аптеку уплатить долгъ за забранные лекарства. Онѣ оказался уже уплаченнымъ. Няня сходила къ

доктору, чтобы уплатить и ему, но онъ отказался отъ денегъ, сказавъ, что давно уже все получилъ сполна. Она не догадалась на радостяхъ спросить его, кто ему уплатилъ, и всѣ въ домѣ рѣшили, что это сдѣлала милая, деликатная тетя-Надя.

— Надо будетъ написать ей изъ Крыма благодарственное письмо, сказала Марія Александровна.

Такъ какъ надо было рано вставать, чтобы не опоздать на поѣздъ, то Леночку послали спать раньше обыкновеннаго. Она запротестовала, какъ и всѣ дѣти, но ушла къ себѣ, раздѣлась и улеглась въ постель. Ей казалось, что она не заснетъ до двѣнадцати часовъ и только для вида она закрыла глаза, но когда потомъ открыла ихъ, то было уже утро и няня спѣшно увязывала подушки и одѣяла въ узелъ.

— Вставай, вставай, милая!... обратилась она къ Леночкѣ.— Скоро ѣхать на вокзалъ!

Боже мой! Черезъ какіе-нибудь два часа Леночка будетъ уже сидѣть въ поѣздѣ, видѣть изъ окна вагона лѣса, деревни и поля, а дня черезъ два уже увидитъ голубое безбрежное море и качается на пароходѣ по его волнамъ.

И она быстро вскочила на ноги и стала одѣваться. Марія Александровна была уже одѣта и, блѣдная и печальная, ходила около

узловъ. У няни былъ красный носъ—значить она плакала. Затѣмъ начались прощанія и сборы въ дорогу.

— Радость ты моя ненаглядная! причитала няня, обнимая дѣвочку.—Ангель ты мой архангельскій! Сподобить-ли Господь увидѣться съ тобою опять?

Она рыдала въ три ручья и поцѣловала Леночку въ щеки, въ губы, въ глаза. Подъ конецъ не выдержала и Леночка и тоже стала плакать.

— Нянечка, милая, не плачь, говорила она, мы скоро вернемся! Ты опять будешь жить у насъ!

Не смотря на раннее еще утро, передъ самымъ отъѣздомъ заѣхала тетя Надя проводить отъѣзжающихъ.

— Ну, Маруся, сказала она,— прощай! Возвращайся здоровая, радостная, веселая! И ты, вострушка, прощай!

Она взяла Леночку на руки и поцѣловала ее въ щеку. Долго не спуская ее съ рукъ, пока нанимали извозчиковъ, она такъ на рукахъ и вынесла ее на улицу и усадила въ экипажъ.

— Ну, прощай еще разъ! сказала она.—Счастливаго вамъ пути!

Когда уже совсѣмъ усѣлись на извозчика, то Марія Александровна притянула тетю-Надю къ себѣ и тихо сказала:—

— Спасибо тебѣ, Надя... Ты уплатила за меня въ аптеку и

доктору... Это такъ мило и деликатно съ твоей стороны!...

— Я? искренно удивилась тетя-Надя.— Въ аптеку? Доктору? Да съ чего ты это взяла?

Няня рыдала въ три ручья и побѣжала поскорѣе впередъ на вокзалъ, чтобы проводить отъѣзжавшихъ еще и тамъ. Извозчикъ дернулъ за вожжи и его лошадка поплелась мелкою, неувѣренною рысдой. Впереди ѣхалъ другой извозчикъ съ вещами.

— Какая деликатная женщина! воскликнула Марія Александровна, когда онѣ отъѣхали отъ дома.— Вотъ нашъ близкій искренній другъ!

Но вотъ ужъ и вокзалъ. Извозчики подѣзжаютъ къ крыльцу, подходят носильщики, берутъ вещи, прибѣгаетъ, вся запыхавшись, няня. Марія Александровна и Леночка усаживаются въ вагонъ и имъ все кажется, что онѣ что-то забыли, что-то потеряли или не успѣли сдѣлать. Няня смотритъ къ нимъ въ открытое окошко и причитаетъ:

— Прощай, Леночка! Прощай ты, моя царевна сказочная! Конфетка ты моя самоцвѣтная!

И вдругъ черезъ вагонъ проходитъ дядя-Коля. Онъ держитъ себя такъ, точно и не знаетъ, что Марія Александровна уѣзжаетъ съ этимъ же поѣздомъ въ Крымъ.

— А, здравствуйте! говоритъ онъ.— Вотъ не ожидалъ! Провожалъ здѣсь одного знакомаго и

вдругъ встрѣчаю васъ. Куда-это? Далеко-ли?

Маріи Александровна и Леночка отвѣчаютъ ему вѣжливо, но холодно, а няня такъ и мечетъ на него молніи глазами. Онъ садится рядомъ съ Леночкой, заговариваетъ съ ней, и суетъ ей въ карманы конфеты, а затѣмъ, когда раздается второй звонокъ, желаетъ имъ счастливаго пути и уходитъ.

— Точно тигра лютая!... ворчитъ ему въ догонку няня.— Такъ-бы его и разорвала!

Затѣмъ она снова заливается въ три ручья, звонитъ третій звонокъ и поѣздъ медленно снимается съ мѣста и отправляется въ далекій путь.

— Прощайте! До свиданія! кричитъ няня и бѣжитъ нѣкоторое время рядомъ съ вагономъ.— Пишите! Возвращайтесь здоровья!

Но скоро она отстаетъ, остается позади, мелькаютъ все чаще и все скорѣе столбы крытой платформы вокзала, вагоны, локомотивы, будки, депо и поѣздъ выѣзжаетъ за городъ и уже мчится на всѣхъ парахъ.

— Ну, Леночка, говоритъ наконецъ Марія Александровна.— Теперь снимай пальто и давай устроимся... Намъ еще ѣхать двое сутокъ съ лишнимъ!

Леночка снимаетъ перчатки, суетъ ихъ въ карманъ своего пальто, но тамъ что-то хруститъ. Она вытаскиваетъ это что то и

Водяная мельница.

Дѣвочка съ гусями.

къ удивленію своему видитъ, что это сто рублей.

— Мамочка! Деньги! вскрикиваетъ она и протягиваетъ къ матери сторублевую бумажку.

— Откуда ты ихъ взяла? спрашиваетъ въ удивленіи мать.

Дѣвочка не умѣетъ этого объяснить.

— Я засунула руку въ карманъ, говорить она,—и слышу тамъ что-то хрустить.

Эти сто рублей были какъ нельзя болѣе кстати. Марія Александровна отправлялась въ Крымъ и для нея была каждая копейка дорога. Предстояло впереди и жить, и лечиться, и приглашать доктора. Но кто-бы это могъ положить эти деньги къ Леночкѣ въ карманъ?

И Марія Александровна посадила рядомъ съ собой Леночку и серьезно ей сказала:

— Когда будешь молиться Боженькѣ, Леночка, то помолись за тетю-Надю! Это она сунула тебѣ въ карманъ эти сто рублей. Больше намъ не отъ кого ихъ ожидать!

А затѣмъ потянулись поля, лѣса, села, деревни и города. Прошли сутки, прошли другія—и вотъ поѣздъ вступилъ въ предѣлы Крыма. Все занимало Леночку по пути: и остановки на станціяхъ, и ѣда не во-время, и перемѣна картинъ каждыя четверть часа. То лѣсъ, то желтенькій домикъ желѣзнодорожнаго сторожа, окруженный березками и цвѣтущей

сиренью, съ массою ребятишекъ около него и съ бѣленькой собачкой, лаявшею на поѣздъ, то шахты или чугунно-литейный заводъ. Иногда она выходила на станціяхъ, покупала на нихъ кипятокъ, булки или пирожки, и ей казалось, что она уже большая и что мама можетъ положиться на нее уже вполне.

Но вотъ ужъ потянулись скучныя Таврическія степи, вотъ появились на горизонтѣ горы, вотъ уже Симферополь, Бахчисарай, а вотъ уже и Севастополь. Поѣздъ проходитъ изъ туннеля въ туннель, бѣжитъ по берегу бухты, мимо пароходовъ и кораблей, и останавливается у вокзала.

Путь конченъ. Теперь нужно пересѣсть на пароходъ и плыть въ Ялту. Леночка была отъ всего, точно въ чадѣ. Она не вѣрила себѣ и ей казалось, что она все это—и бѣленькій городъ, и море, и корабли видитъ во снѣ. А когда она закачалась затѣмъ съ матерью по волнамъ и передъ ней потянулись прекрасныя Крымскія горы и дельфины запрыгали по бокамъ парохода, то восторгамъ ея не было границъ.

Въ семь часовъ вечера пароходъ прибылъ въ Ялту. Хмурились горы, играла музыка и повсюду—на берегу и въ глубинѣ въ горахъ—зажглись огоньки. Было похоже на то, будто въ большую бархатную подушку были

воткнуты булавки съ разноцвѣтными драгоценными камнями на головкахъ.

— Мамочка, дорогая моя! воскликнула Леночка. — Какъ здѣсь хорошо!

Маріи Александровнѣ и самой здѣсь нравилось и ей казалось, что уже отъ самаго пріѣзда сюда ей сдѣлалось лучше и здоровье ея сразу поправилось.

Переночевавъ ночь въ гостиницѣ, онѣ отправились далѣе въ Алупку. Здѣсь онѣ наняли комнату у какого-то татарина Османа съ балкономъ, смотрѣвшимъ на море, и поселились здѣсь на цѣлые два мѣсяца.

Для нихъ началась новая жизнь. Каждое утро онѣ одѣвались въ свѣтлыя платья и спускались внизъ, въ паркъ. Сказочная обстановка парка, тропическія растенія, голубое, спокойное море, какая-то особая жизнь, совсѣмъ не та, къ какой онѣ привыкли у себя дома, нравились имъ и онѣ цѣлые дни проводили на воздухѣ. Тутъ-же, въ паркѣ, бѣгали и рѣзвились и другія дѣти, ходили и другія матери и, какъ это часто бываетъ на чужой сторонѣ, Марія Александровна и Леночка скоро перезнакомились со многими изъ нихъ и стали проводить время вмѣстѣ.

— Какъ здѣсь весело! говорила Леночка. — Давай, мамочка, остаемся здѣсь навсегда!

Рядомъ съ той комнатой въ домѣ

Османа, въ которой помѣщались наши путешественницы, жила еще какая-то женщина съ маленькой дѣвочкой, такъ что и Леночка, и эта дѣвочка, которую звали Агнюшей, каждый день по нѣскольку разъ встрѣчались на одномъ и томъ-же балконѣ. Дѣвочка была убогая. Блѣдная, съ просвѣчивавшими жилками на вискахъ и съ большими, серьезными глазами, она была больна какой-то очень серьезной болѣзнью: что-то было у нея въ колѣнкѣ, отъ чего она не могла свободно ходить. Кромѣ того, и ея мать—Анна Ивановна—тоже была больна, худа и часто кашляла. Въ Крыму больные падаютъ на каждомъ шагу и потому неудивительно, что въ одномъ и томъ-же домикѣ Османа встрѣтились двѣ больныя семьи. Марія Александровна и Анна Ивановна какъ-то сразу сошлись, точно ихъ соединило одно общее горе—ихъ одинаковая болѣзнь. Онѣ часто разговаривали между собою, дѣлали планы, мечтали о будущемъ. Анна Ивановна была изъ того-же самаго города, изъ котораго пріѣхала и Марія Александровна, у нихъ нашлись общіе знакомые, общіе интересы и когда наступали дождливые или вѣтренные дни, и идти въ паркъ было неудобно, то онѣ усаживались у себя на балкончикѣ за шитье и, пока обѣ дѣвочки играли, вели между собою бесѣды.

— Удивительно, какъ это мы съ вами не встрѣчались ни разу въ нашемъ городѣ! сказала однажды Марія Александровна. — Столько лѣтъ жили тамъ обѣ...

Анна Ивановна глубоко вздохнула.

— Это и не мудрено, отвѣтила она.—Я жила всегда на окраинѣ, мой мужъ служилъ на желѣзной дорогѣ...

— А какую онъ занималъ должность?

— Онъ былъ конторщикомъ... просто отвѣтила она.

Было что-то необыкновенно правдивое и искреннее въ этой женщинѣ и Марія Александровна любила ее слушать.

— Мужъ получалъ всего только 35 рублей въ мѣсяцъ продолжала она.—Когда онъ умеръ, то я и дочь остались ни съ чѣмъ. А тутъ вдругъ захворала и я, и Агнюша. Когда доктора приказали мнѣ везти ее въ Крымъ, то я думала, что сойду съ ума. Судите сами, гдѣ было взять для этого денегъ? Мало-ли нужно для того, чтобы вдвоемъ пріѣхать сюда и жить здѣсь уже четвертый мѣсяцъ?

Она вздохнула и провела рукой по волосамъ. И вдругъ лицо ея прояснилось, глаза засвѣтились благодарностью и румянецъ выступилъ на ея блѣдно-желтыхъ щекахъ.

— И есть-же такіе прекрасные, добрые, самоотверженные люди!

вдругъ воскликнула она. Пошлетъ-же Господь на землю такихъ людей! Кажется, пока буду жива, ни на одну минуту не забуду этого великодушнаго господина и буду молиться за него день и ночь!

И точно она искала, передъ кѣмъ-бы высказаться, съ кѣмъ-бы подѣлиться своими счастьемъ и благодарностью, она продолжала:

— Повѣрите-ли... Мужъ умеръ, бѣдность, злыдни, никого нѣтъ близкихъ, родныхъ, во всемъ городѣ нѣтъ ни единой сочувствующей души, а хочется ѣсть. Агнюшѣ не на что купить молока. А тутъ нашъ желѣзнодорожный врачъ вдругъ объявилъ, что у нея въ колѣннѣхъ бугорчатка и что надо везти ее въ Крымъ. Я испугалась, не повѣрила ему, проплакала всю ночь и на утро побѣжала въ городскую лечебницу.—„Врѣтъ онъ“, рѣшила я.—„Пусть осмотрятъ Агнюшу другіе“!

— Городская больница недалеко отъ насъ! вставила въ разговоръ свое замѣчаніе Леночка.

— Представьте-же теперь мое отчаяніе, когда въ больницѣ мнѣ не только подтвердили то, что сказали мнѣ нашъ докторъ, но даже нашли болѣзнь и у меня и меня тоже стали посылать въ Крымъ. Иду оттуда и горько плачу. Такъ и разливаюсь на всю улицу. Прохожіе останавливаются и глядятъ. Веду Агнюшу за руку и сама не знаю, куда иду. Какъ вдругъ про-

хожу мимо одного дома съ голубыми воротами и съ краснымъ палисадникомъ...

— Въ нашемъ домѣ тоже голубяя ворота и красный палисадникъ... снова вставила Леночка.

Марія Александровна кивнула ей, чтобы она не перебивала.

— Какъ вдругъ изъ этого дома, продолжала Анна Ивановна, — вышелъ какой-то высокій господинъ, въ цилиндрѣ и съ большими русыми бакенбардами.

— У нашего дяди — Коли тоже длинныя бакенбарды, сказала Леночка.

— Да помолчишь — ли ты, Леночка! крикнула на нее мать.

Теперь уже у Анны Ивановны пылали обѣ щеки. Она волновалась, не знала, какъ ей лучше передать все то, что она собиралась сказать, и подыскивала слова.

— Увидѣвъ меня, снова начала Анна Ивановна, — этотъ господинъ вдругъ остановился и спросилъ: — „О чемъ вы такъ плачете?“ — „Господинъ, отвѣтила я ему, — я вдова, недавно лишилась мужа, мнѣ нечего ѣсть, а тутъ на мою голову свалилось несчастье. Доктора нашли у меня и у моей дочери бургорчатку и посылаютъ насъ обѣихъ въ теплые края. Конечно, я не беспокоюсь о себѣ, но гдѣ я возьму денегъ, чтобы спасти мою дочь?“ Вѣрите-ли, дорогая Марія Александровна, — глядя на меня, прослезился и онъ. — „Не горюйте,

сказалъ онъ. — Я вамъ немножко помогу!“ И вынувъ изъ кармана какую-то бумагу, онъ протянулъ ее ко мнѣ. — „Это выигрышный билетъ, сказалъ онъ. — Возьмите его себѣ. Продайте его и повезите вашу дочь въ Крымъ“..

Лицо у Маріи Александровны тоже запылало. Она вспыхнула, поднялась и, боясь, какъ-бы не выдать своего волненія, прошлась взадъ и впередъ по балкону.

— Ну, и что-же далѣе? спросила она и ея голосъ показался ей не своимъ.

— Я взяла отъ него этотъ билетъ и побѣжала къ себѣ домой, продолжала Анна Ивановна. — Отъ радости я не чувствовала подъ собою ногъ. Я позабыла даже поблагодарить этого господина, спросить его, какъ его зовутъ и гдѣ онъ живетъ. А затѣмъ я стала собираться въ Крымъ... Пока я собиралась, наступило 1-е Марта. Я пошла въ банкъ и попросила тамъ купить у меня этотъ выигрышный билетъ. Вообразите-же себѣ мое удивленіе, когда мнѣ тамъ сказали, что на мой билетъ палъ выигрышъ въ восемь тысячъ рублей!

Она тоже вскочила и въ волненіи заходила по балкону.

— Благослови его, Господи, этого самаго господина, закрестилась она. — Пошли ему долги, счастливые годы на землѣ! Утѣшь его старость такъ, какъ онъ утѣшилъ меня!

Леночка хотѣла что-то сказать, но мать кивнула ей, чтобы она молчала, и подойдя къ Аннѣ Ивановнѣ, взяла ее за руку.

— Это былъ билетъ № 19-й? спросила она. — Серія № 46638-й?

— Да, да! отвѣтила въ удивленіи Анна Ивановна. — Откуда это вы знаете?

Марія Александровна не отвѣтила ей ничего, взяла Леночку за руку и подъ какимъ-то предлогомъ ушла къ себѣ въ комнату и заперлась.

Теперь для нея было ясно все: и куда дядя - Коля дѣвалъ полученный отъ нея выигрышный билетъ, и кто заплатилъ за нее доктору и въ аптеку, и кто сунулъ Леночкѣ тогда въ вагонъ сто рублей въ карманъ... И полная досады на себя, что она такъ долго не могла узнать этого человѣка, она упала на подушку и стала горько плакать. Наплакавшись досыта, она достала изъ стола бумагу, конвертъ и перо и усадила Леночку за письмо.

— Пиши! сказала она ей.

Леночка обмакнула перо въ чернила и приготовилась писать.

— „Милый дядя - Коля, стала диктовать ей мать. — Мы тебя до сихъ поръ очень плохо знали, но только здѣсь научились тебя цѣнить и любить. Если ты вѣришь намъ, то приѣзжай къ намъ сюда. Я и мама постараемся, насколько сможемъ, замѣнить тебѣ твоихъ

самыхъ близкихъ и преданныхъ родныхъ, и ты не будешь такъ одинокъ, какъ теперь. Здѣсь есть еще и другая женщина, у которой тоже есть дочь, и обѣ онѣ молятся за тебя каждый день. Теперь будемъ молиться за тебя и мы.

„Приѣзжай-же, милый дядя. Мы тебя ждемъ!

Твоя племянница Леночка“.

Леночка запечатала это письмо надписала адресъ и Марія Александровна тотчасъ же побѣжала на площадь и опустила его въ почтовый ящикъ.

— Какъ это хорошо, шептала она, возвращаясь домой, — какъ это разумно, что эти деньги достались именно этимъ двумъ несчастнымъ больнымъ!

Наступила ночь, зажглись звѣзды и на темно-синемъ небѣ не стало уже видно ни Ай-Петри, ни другихъ сосѣднихъ горъ. Откуда-то снизу доносилась музыка, да слышался топотъ нѣсколькихъ лошадиныхъ копытъ. Это молодежь возвращалась съ поѣздки въ Симеизъ. Марія Александровна еще долго просидѣла у себя на балкончикѣ и смотрѣла на море, изъ за котораго всходила полная, красная луна.

Три дня спустя, почтальонъ подалъ ей телеграмму. Она встревожилась, испугалась и дрожащими руками распечатала ее и стала читать:—

— «Ждите послѣзавтра вече-

ромъ. Буду. Везу съ собою няню. отъ радости, захлопала въ ладоши
Цѣлую Леночку. Дядя-Коля“ и тотчасъ-же побѣжала къ своей

Марія Александровна позвала сосѣдкѣ сообщить ей эту важную
къ себѣ Леночку и прочитала ей новость.

эти строки, Леночка взвизгнула

М. Б—скій.

ВЕСЕННЕЕ УТРО.

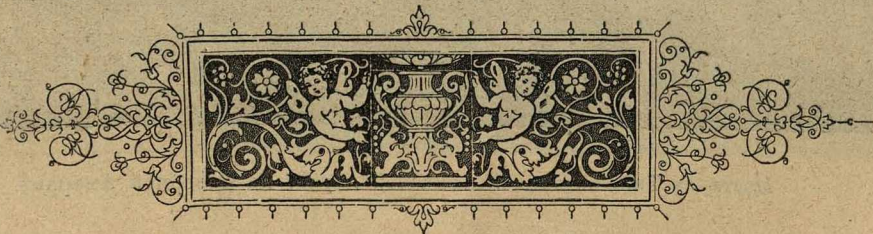
Утро... Ранымъ-рано! Не пылить дорога,
И туманъ клубится сбоку надъ водой,
Съ громкимъ крикомъ галки поднялись со стога,
И умчались въ поле шумною толпой.

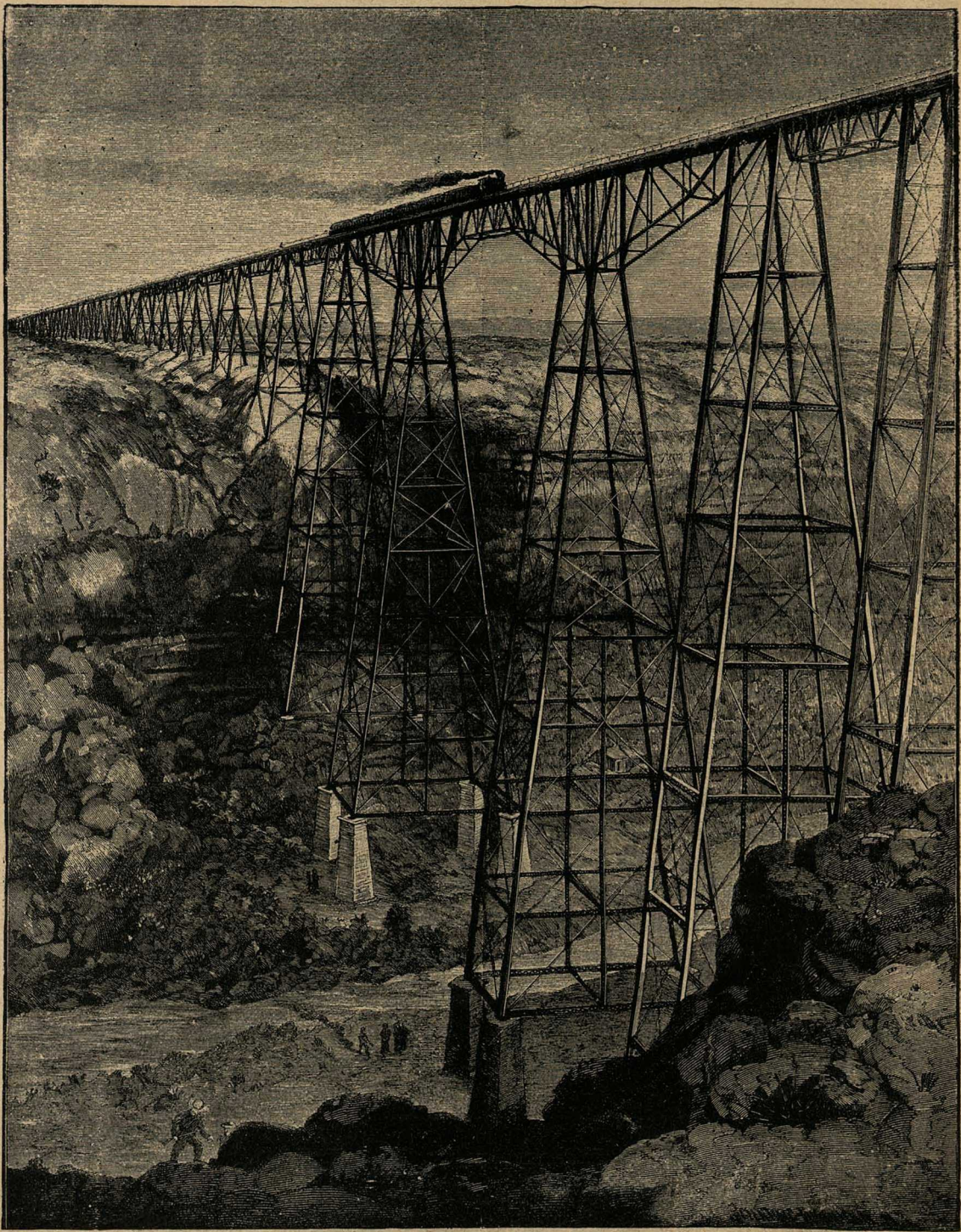
Сквозь туманъ алѣетъ солнца лучъ пугливый,
Отражаясь въ капляхъ утренней росы.
По дорогѣ рано на покосъ и нивы
Побрели крестьяне: — слышенъ звонъ косы.

Лѣсъ глядитъ на солнце свѣжею листвою,
Робкій голосъ пташки слышенъ изъ кустовъ,
Было смутно, тихо все передъ зарею,
А теперь краснѣютъ группы облачковъ...

Ярче, ярче солнце, быстро пропадаетъ
Подъ его лучами розовый туманъ,
Птицы свои пѣсни хоромъ начинаютъ,
Приходи же утро къ намъ изъ дальнихъ странъ!

А. Жиг—скій.

Мостъ на Тихо-океанской желѣзной дорогѣ въ Сѣверной Америкѣ.

На морѣ.

МАРУСЯ.

Повѣсть

(Продолженіе).

Усадьба была великолѣпная. На высококомъ берегу быстрой, живописной рѣки стоялъ роскошный домъ, похожій на замокъ, и позади него тянулся вѣковой, безконечный паркъ. Когда Леночка схватила Марусю за руку и повела ее не усадьбѣ, то дѣвочкѣ показалось, что она попала въ сказочный лѣсъ, гдѣ хитрыя феи посадили диковинные цвѣты и все устроили для того, чтобы плѣнить попавшихъ въ него людей. Она шла, съ любопытствомъ оглядывалась по сторонамъ, нагибалась, чтобы понюхать цвѣты, и ей и въ голову не приходило, что когда-то она была здѣсь у себя дома и что всего только девять лѣтъ тому назадъ ее катали въ колясочкѣ по этимъ щегольскимъ, усыпаннымъ песочкомъ аллеямъ, которымъ впереди не видѣлось конца.

— Какъ у васъ здѣсь хорошо! говорила она.—Какъ должно быть, пріятно въ этихъ аллеяхъ, когда наступаетъ жара!

Прибѣжалъ къ нимъ Максъ и всѣ трое, взявшись за руки, они отправились бродить по усадьбѣ. Исходивъ весь паркъ, они заглянули въ огородъ, побывали въ оранжереѣ, на скотномъ дворѣ, сунули

нось въ птичникъ и всюду, куда бы они ни заходили, прислуга подходила къ Марусѣ или почтительно вставала передъ ней, но она не придавала этому значенія и не принимала этой почтительности на свой счетъ.

— А гдѣ-же Кити? вдругъ вспомнила Маруся.— Отчего мы ее не позвали съ собой?

— Она съ мамой! отвѣтилъ Максъ.— Все равно она съ нами не пошла-бы!..

— Почему?

— Такъ...

Максу было неловко сказать, что Кити не пошла гулять только потому, что вмѣстѣ съ нимъ и съ Леночкой была и Маруся.

Послѣ четырехъ сутокъ пути Маруся была рада свободѣ и теперь бѣгала взадъ и впередъ и со свойственной себѣ изобрѣтательностью придумывала игры и занятія. Максъ и Леночка были положительно очарованы ей и Максъ то и дѣло бѣгалъ къ дому и кричалъ:—

— Кити! Да выходи-же къ намъ! Съ Марусей такъ весело!

Затѣмъ раздавался звукъ рожка. Это Гаврила сзывалъ всѣхъ къ обѣду. Обѣдали на террасѣ, на

открытомъ воздухѣ, и по прежнему онъ и горничная - дѣвушка, въ туго накрахмаленномъ чепцѣ, безшумно ходили вокругъ стола и обносили кушаньями. Для Маруси этотъ обѣдъ былъ первымъ испытаніемъ: сумѣетъ-ли она держать вилку и ножикъ такъ, какъ принято держать въ хорошемъ обществѣ? сможетъ-ли она положить себѣ съ протянутого къ ней блюда именно столько, сколько нужно? не подумаютъ-ли, что она жадна? Но обѣдъ прошелъ вполне благополучно, она держала себя такъ, точно всю жизнь прожила въ графской семьѣ, весело и остроумно отвѣчала на вопросы и графъ то и дѣло поглядывалъ на нее и ласково улыбался. Сама графиня начинала теперь уже убѣждаться, что Маруся не нарушитъ общаго теченія жизни въ ея семьѣ, и старалась быть съ нею болѣе ласковой, чѣмъ была до сихъ поръ; Максъ и Леночка все время не отрывали отъ Маруси глазъ и только одна Кити все еще дичилась ея, смотрѣла на нее исподлобья и съ неохотою отвѣчала на ея вопросы. Что-же касается Луизы Карловны, то она сидѣла рядомъ съ Марусей и, плотно сжавъ губы и нахмуривъ брови, то и дѣло дергала ее подъ столомъ за платъе, находя, что она не умѣетъ себя держать.

— Какъ вы держите ложку? то и дѣло шептала она.—Перестаньте

такъ громко жевать! Помните, гдѣ вы сидите!

Тотчасъ-же послѣ обѣда, графъ пошелъ отдыхать, а графиня съ дѣтьми, взявши корзинки, отправились по грибы. Маруся никогда еще не бывала въ лѣсу и не видала ни разу, какъ растутъ грибы, и ей очень хотѣлось отправиться вмѣстѣ со всѣми; но въ самую ту минуту, когда всѣ они вышли уже съ корзинками въ паркъ и направились уже къ калиткѣ, графиня спросила Марусю, почему она безъ шляпы?

— Простите... отвѣтила она.—Я позабыла...

— Такъ вернись скорѣе въ домъ и надѣнь шляпу или-же возьми съ собою зонтъ. Онъ стоитъ въ швейцарской въ углу. Съ розовыми полосками!

Маруся тотчасъ-же побѣжала въ домъ исполнить приказаніе графини, но едва только она вошла въ швейцарскую, какъ ее встрѣтила тамъ Луиза Карловна.

— Вы что здѣсь дѣлаете? спросила она ее.

— Пришла за шляпой... отвѣтила Маруся.

— Идите за мной!

Маруся смутилась и покорно послѣдовала за гувернанткой. Они прошли въ классную.

— Мы будемъ сейчасъ заниматься языками, сказала Луиза Карловна.

У Маруси навернулись на глаза слезы.

— Но вѣдь всѣ мы идемъ сейчасъ въ лѣсъ! отвѣтила она.

— Прошу васъ не разсуждать! отвѣтила ей гувернантка.

Она положила передъ Марусей тетрадь и нѣмецкія прописи и приказала ей списывать въ нее буквы. Маруся вспыхнула, ея правдивая, не привыкшая къ насилію, душа почувствовала себя оскорбленной и ей захотѣлось заплакать. Но она сдержала себя и обратилась къ гувернанткѣ съ просьбой:

— Фрейлейнъ, сказала она нѣжнымъ, просительнымъ голоскомъ, такимъ мягкимъ, отъ котораго, кажется, сдвинулись-бы съ мѣста камни. — Позвольте мнѣ пойти со всѣми въ лѣсъ!..

— Нѣтъ! рѣзко оборвала ее Луиза Карловна.

Маруся низко склонилась надъ тетрадкой и стала писать. Луиза Карловна взяла какое-то вышиванье, сѣла тутъ-же рядомъ и принялась за работу. Поднявши одинъ разъ голову, Маруся увидѣла, какъ далеко въ концѣ парка мелькнули фигуры графини и ея дѣтей. Онѣ остановились, очевидно, поджидая ее, а затѣмъ, не дождавшись, открыли калитку и вышли въ поле.

— Ма-ру-ся!! донесся до плѣнницы крикъ Макса. — Мы ушли!!

Марусѣ казалось, что она занималась цѣлую вѣчность. Она исписала уже нѣсколько страницъ, ея пальцы онѣмѣли отъ держанія пера, а все еще не было конца этому

писанью. Садилось солнце и по аллеямъ парка потянулись длинные тѣни. Вышли съ лейками садовникъ и его помощники и стали поливать цвѣты. Уже давно слышно было, какъ графъ вышелъ изъ спальни, сѣлъ на лошадь и ускорилъ куда-то далеко. Замычали на заднемъ дворѣ коровы, кто-то выстрѣлилъ по ту сторону рѣки и эхо разнеслось по всѣмъ лѣсамъ. Въ открытое окошко повѣяло прохладой и потянуло запахомъ цвѣтомъ. И вдругъ внизу послышались голоса и шаги: это вернулись изъ лѣса графиня съ дѣтьми.

— Маруся дома? услышала Маруся голосъ Макса.

И кто-то отвѣтилъ: — Виновать, не знаю! Должно быть дома!

Луиза Карловна свернула свое вышиванье, положила его въ корзиночку и поднялась съ мѣста.

— Теперь можете идти! сказала она. — Уберите тетради! Оботрите перо!

Маруся вскочила, засуетилась, кое-какъ исполнила то, что приказала ей гувернантка, и бросилась къ двери.

— Подождите! вдругъ крикнула ей гувернантка. — Вернитесь! Подите сюда!

Маруся подошла къ ней.

— Полагаю, что вы и сами понимаете, что такое долгъ, сказала гувернантка. — По этому я совѣтовала-бы вамъ не строить изъ себя страдалицу и не затруднять

съ первыхъ же вашихъ шаговъ графиню жалобами на то, что будто-бы васъ здѣсь стѣсняють и лишаютъ свободы.

И она сдѣлала удареніе на словѣ «будто-бы».

— Довольно уже и того, продолжала Луиза Карловна, — что сегодня вступился за васъ графъ... Вы поняли меня?

Она такъ выразительно спросила это „Вы поняли меня?“, что Маруся робко сдѣлала ей реверансъ и отвѣтила:—

— Да...

И точно вырвавшаяся на свободу птичка, Маруся выпорхнула изъ классной и побѣжала внизъ навстрѣчу къ дѣтямъ и къ графинѣ.

— Ты здѣсь? удивился Максъ.— А мы-то тебя такъ долго ждали!

Леночка побѣжала къ Марусѣ и бросилась къ ней на шею.

— А сколько мы нашли бѣлыхъ грибовъ! воскликнула она. — Насилу донесли!

Маруся нагнулась къ корзинкамъ и стала разглядывать еще невиданные ею грибы. Графиня отправилась къ себѣ, вымыла руки и стала одѣваться въ другое платье. Когда она вышла затѣмъ въ гостиную, то къ Марусѣ подошла горничная въ накрахмаленномъ чепцѣ и тихонько потрогала ее за плечо.

— Пожалуйте, барышня, сказала она, — васъ ея сіятельство зовутъ!

Маруся оставила грибы и побѣжала въ гостиную.

— Вы меня звали, тетя? спросила она графиню. — Что вамъ угодно?

Графиня подняла глаза отъ книги, которую читала, и спокойно, но строго сказала:—

— Не хорошо заставлятъ себя ждать! Еще хуже остаться дома и не прійти! Нужно не забывать, что живешь среди людей, а не для себя одной! Можешь идти!

Марусю эти слова больно кольнули въ самое сердце. Она насколько не была виновата въ томъ, въ чемъ ее обвиняли, и стояла въ нерѣшительности: говорить ей о томъ, что ее задержала гувернантка, или не говорить? Но она вспомнила послѣднія слова Луизы Карловны и смолчала.

— Можешь идти! повторила графиня.

Маруся повернулась и вышла изъ гостиной. Двѣ горькія слезы незаслуженной обиды покатались у нея по щекамъ. Но она не дала себѣ воли, сдержала себя, отерла глаза и, какъ ни въ чемъ не бывало, вышла въ столовую.

Въ это время возвратился графъ. Какъ и утромъ, онъ былъ въ высокихъ сапогахъ и въ перчаткахъ и весело похлопывалъ себя хлыстикомъ по ногамъ.

— А, степная принцесса! воскликнулъ онъ, завидѣвъ Марусю.— Ну, какъ тебѣ нравится у насъ? Ты довольна?

Она улыбнулась, присѣла графу и тихо отвѣтила:—

— Да... Мерси!

— Ну, я такъ и зналъ, что ты здѣсь скоро со всѣми сойдешься!

И онъ взялъ ее за щеки и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Вечеромъ, ложась спать, Маруся долго молилась Богу и просила Его, чтобы Онъ возвратилъ ее опять на берегъ моря, въ милую Криничку, гдѣ остались безъ нея тѣ, кого она любила, какъ родныхъ.

— Боженька, шептала она, — если я въ чемъ нибудь согрѣшила передъ Тобой и Ты наказываешь меня за это, то прости меня: я больше не буду!..

И, какъ и вчера, къ ней опять пришла Аграфена взять ея башмаки въ чистку и, думая, что она спитъ, долго надъ ней причитала. Маруся притворилась спящей и поглядывала на нее однимъ глазкомъ изъ щелочки, образовавшейся въ покрывалѣ, и ей хотѣлось вскочить, броситься ей на шею и пожаловаться ей на свое одиночество, но она не посмѣла и продолжала дѣлать видъ, что спитъ.

— Милая ты моя, вдругъ закончила Аграфена свои причитанія. — Вѣдь мы, — я, Гаврила Николаичъ, да садовникъ, служили еще твоему покойному папашенькѣ, царство ему небесное, и видѣли, какъ онъ тебя, болѣзную мою, въ колясочкѣ по саду каталъ! Хозяюшка ты наша ненаглядная!..

Эти слова показались Марусѣ странными, она не поняла ихъ, но что-то подсказало ей, что она не должна была-бы ихъ слышать, и она сдѣлала видъ, что пошевелилась во снѣ.

— Уйду, уйду! заговорила Аграфена. — Спи спокойненько, Господь тебя благослови!

И ступая на цыпочкахъ такъ, что отъ этихъ цыпочекъ трещалъ весь полъ и скрипѣла лѣстница, Аграфена удалилась изъ комнаты Маруси.

Такъ прошла цѣлая недѣля. Все время Маруся скучала, ожидала письма отъ няни изъ Кринички и тосковала. Она написала туда письмо, въ которомъ изливала всю свою душу, но вошла гувернантка, взяла отъ нея это письмо и прочла. Это обидѣло Марусю, она скомкала письмо и бросила его въ каминъ. Ей было больно, что въ интересы ея души вторгалась женщина, которой она не залюбила съ перваго же взгляда, и она не дѣлала уже вторичной попытки кому-бы то ни было писать.

— Мнѣ пріятно, что ты у насъ не скучаешь, Степная принцесса, обратился къ ней однажды графъ. — Если-бы ты скучала, то каждый день писала-бы кучи писемъ. Это было-бы въ порядкѣ вещей!

Она посмотрѣла на него большими, серьезными глазами, но не отвѣтила ему ничего.

Прошла еще недѣля.

Однажды передь самымъ урокомъ нѣмецкаго языка графу захотѣлось самому покатать дѣтей въ лодкѣ. Всѣ они, кромѣ одной Маруси, были свободны.

— Идите скорѣе къ рѣкѣ, обратился къ нимъ графъ.—Я сейчасъ къ вамъ приду.

Кити, Максъ и Леночка взвизгнули отъ радости и помчались къ лодкѣ. Маруся, которой надо было отправляться на урокъ, осталась у крыльца одна.

— А ты, Степная принцесса, отчего не идешь? обратился къ ней графъ.

— Сейчасъ мнѣ учиться... отвѣтила Маруся.

— Учиться? Это въ Юлѣ-то?.. Маршъ скорѣе въ лодку!

— Но вѣдь Луиза Карловна меня будетъ ждать!

— Ничего, иди и ты. Я сейчасъ ей скажу, что взялъ съ собою и тебя!

Маруся отъ радости не чувствовала подъ собою ногъ и побѣжала тоже къ рѣкѣ.

Графъ переодѣлъ пиджакъ на русскую рубашку, чтобы было свободнѣе грести, и отправился къ Луизѣ Карловнѣ. Но ни въ класной, ни во всемъ домѣ ея не оказалось. Тогда онъ рѣшилъ, что дожидаться не стоитъ, вышелъ къ дѣтямъ и долго каталъ ихъ въ лодкѣ по рѣкѣ. Они пѣли пѣсни, онъ съ ними шутилъ и они весело смѣялись. Эта прогулка показала Марусѣ цѣлымъ праздникомъ.

— А ну-ка, Степная принцесса, обратился къ ней графъ,—возьми весла и погребь! Ты морская жительница и я посмотрю, какъ ты это умѣешь!

Она любила кататься въ лодкѣ по морю и умѣла отлично грести. Она приняла отъ графа весла, взмахнула ими, щеки ея разгорѣлись, волоса выбились изъ подъ шляпы на лобъ и лодка полетѣла, какъ стрѣла.

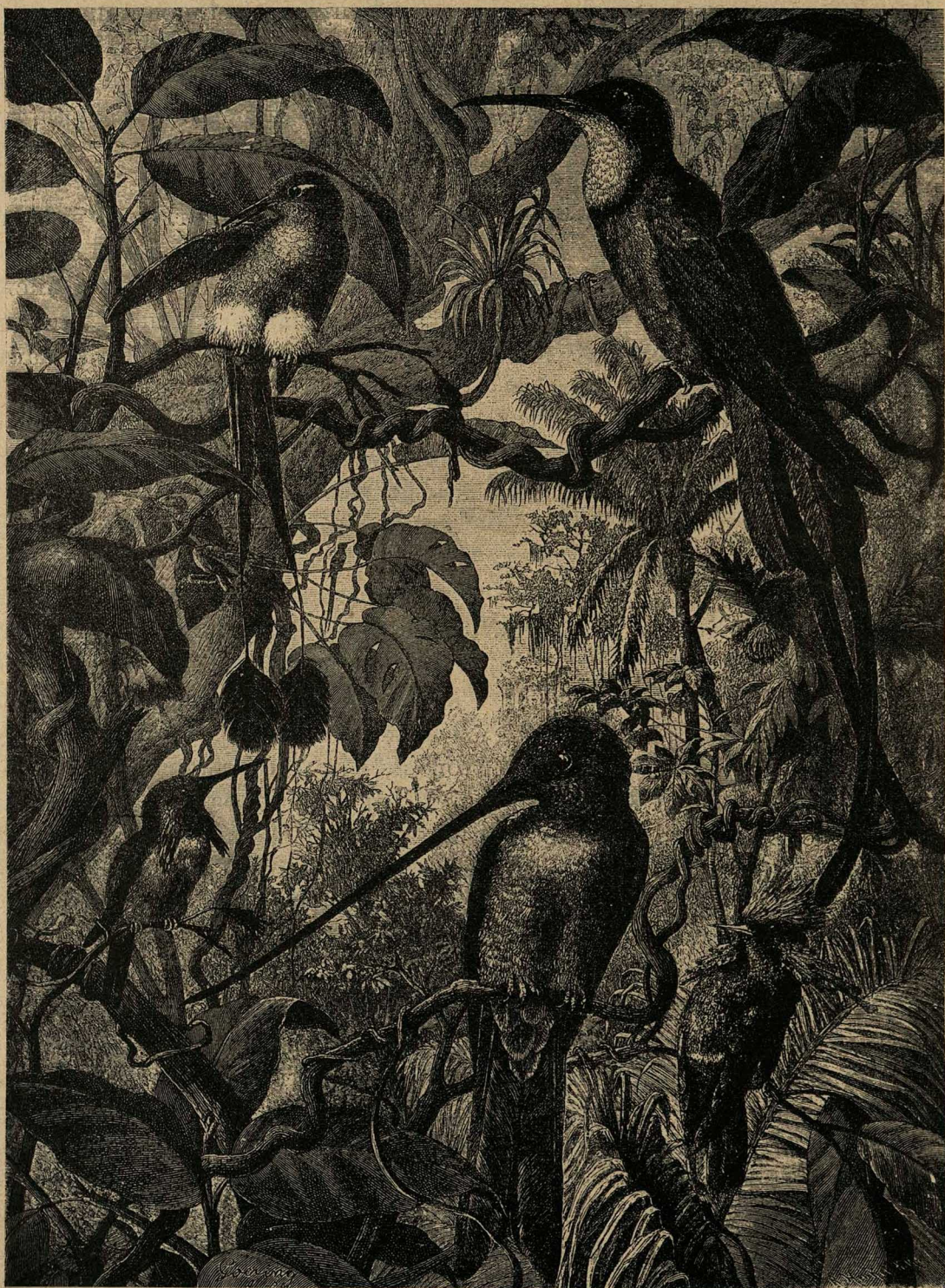
— Bravo, bravo, Маруся! воскликнулъ графъ.—Молодчина! Пять съ плюсомъ!

Они возвратились съ прогулки бодрые, веселые, голодные и Марусѣ казалось, что она съѣсть сразу два обѣда. Это катанье на лодкѣ напоминало ей объ ея далекомъ морѣ, объ ея прогулкахъ по берегу и няниной семьѣ и если бы не эта осторожность, съ которой съ ней обращалась Кити и которая ее такъ стѣсняла, то ей казалось-бы, что въ графѣ и въ его дѣтяхъ она начинала находить вторыхъ родныхъ.

И въ первый разъ за все это время громко запѣвъ, Маруся стала подниматься къ себѣ наверхъ, чтобы причесать голову и заплести растрепавшіяся за прогулку косы.

— Подите - ка, подите сюда! вдругъ услышала она голосъ Луизы Карловны.—Гдѣ это вы изволили пропадать?

— Я каталась съ дядей на лодкѣ! весело отвѣтила ей Маруся.

Колибри.

— Кто-же вамъ позволилъ? Вы спросились у меня?

— Нѣтъ, но дядя сказалъ, что самъ передалъ вамъ объ этомъ!

— Онъ не говорилъ мнѣ ничего! Вы просто не хотѣли заниматься и убѣждали сами!

— Фрейлейнъ, увѣряю-же васъ, что меня позвалъ дядя!

— Лжете! Онъ васъ не звалъ! Вы убѣждали сами!

Точно острая игла пронзилась сквозь сердце Маруси. Она выпрямилась во весь свой ростъ.

— Я никогда еще не лгала! гордо отвѣтила она и щеки ея запылали. — Предоставляю лгать другимъ...

— Замолчать!! крикнула на нее гувернантка и топнула ногой.

Губы у Маруси задрожали. Она не совладѣла на этотъ разъ съ собой, громко взвизгнула и залилась слезами.

— Не смѣть плакать! опять крикнула на нее гувернантка. — Сейчасъ время обѣдать и у васъ будутъ красные, опухшіе глаза.

Маруся закрыла обѣими руками лицо, громко зарыдала, бросилась къ себѣ въ комнату и повалилась на постель. Луиза Карловна стояла у ея двери, проворчала что-то по нѣмецки и сошла внизъ. Какъ только замолкли ея шаги, Маруся поднялась съ постели, улыбалась, причесалась и переодѣлась и, когда раздался вдругъ внизу рожокъ лакея Гаврилы, сзывавшій

всѣхъ къ обѣду, какъ ни въ чемъ не бывало, вышла въ столовую.

— Что это у тебя такіе красные глаза? спросила ее графиня.

— Такъ, ничего... отвѣтила Маруся. — Мы катались на лодкѣ и должно-быть что-то попало мнѣ въ глазъ. Это пройдетъ!..

Это была ея первая, вынужденная ложь и она густо покраснѣла. Но если-бы она не сказала ея, если-бы она сообщила графинѣ одну только правду, то отъ этого пострадала-бы гувернантка. А Маруся этого не хотѣла. И вся уйдя въ саму себя и не замѣчая уже

— Ты хочешь меня проводить, моя крошка?

ни того, что она ѣла, ни того, что пила, она кое-какъ дождалась до конца обѣда и снова убѣждала къ себѣ навѣрхъ.

Въ полутора верстахъ отъ усадьбы находилось большое село, въ которомъ было почтовое отдѣленіе. Проѣзжая мимо него со станціи, Маруся сама видѣла на немъ почтовой ящикъ и еще подумала тогда, что будетъ опускать въ него свои письма къ нянѣ. Дорога туда шла все лѣсомъ и сама графиня два раза ходила туда пѣшкомъ вмѣсто прогулки, чтобы отослать кому то письма.

— Я напишу къ нянѣ письмо, рѣшила Маруся,—и опущу его въ ящикъ сама!

И сѣвъ у окошка, она разложила на подоконникѣ письменныя принадлежности и принялась за писанье.

„Милая нянечка, начала она,—если-бы ты знала, какъ мнѣ здѣсь безъ тебя тяжело! Возьми меня къ себѣ назадъ! Я по тебѣ соскучилась и мнѣ хочется побѣгать вмѣстѣ съ твоими внучатами Катей, Надей, Оеничкой, Колей и Володей. Здѣсь очень хорошо и всѣ меня любятъ, но злая гувернантка не даетъ мнѣ жить. Она со мной груба и почему-то возненавидѣла меня. Одинъ разъ она сдѣлала такъ, что тетя подумала, будто я ее обманула, а въ другой она—накричала на меня, натопала ногами и назвала лгуньей. Я очень

плакала, но мнѣ жаль ее и я никому ничего не сказала. Она приказала мнѣ ничего не говорить дядѣ и тетѣ о томъ, какъ она со мной обращается. Милая нянечка, пожалѣй меня, возьми меня отсюда къ себѣ! Я больше не могу. Это мое письмо придетъ къ тебѣ черезъ два дня, а еще черезъ два дня я буду ждать отъ тебя отвѣтъ. Дорогая нянечка, напиши мнѣ отвѣтъ!

„Цѣлую тебя и ребятъ. Помнятъ-ли они меня? Должно быть, уже позабыли, какая я и есть. Прости, что такъ дурно написала, нацарапала лапкой, какъ кошка.

Твоя Маруся“.

И довольная тѣмъ, что никто ей не помѣшалъ, Маруся запечатала письмо въ конвертъ, надписала адресъ, наклеила марку и прислушалась. Во всемъ домѣ было тихо: значить, всѣ были въ паркѣ, или у пруда. Она надѣла шляпку, вышла незамѣтно изъ дома и пробѣжала по аллеѣ къ калиткѣ. Вдалекѣ, освѣщенные заходящимъ солнцемъ, мелькали платья Кити, Леночки и Макса, которые во что-то играли. Она прошла стороной, такъ что они ее не замѣтили, и вышла на дорогу.

По обѣимъ сторонамъ ея потянулся лѣсъ, въ вершинахъ котораго перекликались птицы, а тамъ впереди, за лѣсомъ, звонилъ колоколь. Это въ селѣ. Завтра воскресенье. Въ какія-нибудь двадцать

минуть Маруся пробѣжить черезъ этотъ лѣсъ, перейдетъ черезъ поле, а тамъ ужъ и село. Она сама опуститъ драгоценное письмо въ ящикъ и съ нетерпѣніемъ будетъ ждать отвѣтъ...

И она бѣгомъ, задыхаясь, побѣжала черезъ лѣсъ. И вдругъ впереди что-то свѣтлое мелькнуло въ кустахъ. Она остановилась, перевела духъ и стала глядѣть. Изъ за кустовъ вышла дама въ сѣромъ костюмѣ и въ большой шляпѣ и пошла дальше своей дорогой. Это была графиня. Она тоже шла въ село. Маруся не знала, что ей дѣлать и какъ поступить. Если вернуться, — то это значило-бы скрыть отъ тети то, что она шла на почту, а если продолжать путь, то придется догнать графиню и идти уже вмѣстѣ съ ней. Но въ это время графиня обернулась назадъ, увидѣла ее, улыбнулась и стала ее поджидать.

— Ты хочешь меня проводить, моя крошка? спросила она Марусю.— Это очень мило съ твоей стороны!

Маруся увидала, что она тоже держала въ рукахъ письмо. Значитъ, и она тоже шла на почту. Маруся смутилась, покраснѣла и не знала, что ей отвѣтить.

— Да ты, кажется, несешь письмо? продолжала графиня и брови ея нахмурились.

— Да, тетя, отвѣтила Маруся.— Я два раза уже писала домой, но

одно письмо прочитала фрейлейнъ и осталась имъ не довольна, а другое потомъ разорвала... И вотъ я теперь иду сама... Няня можетъ подумать, что я о ней позабыла, и... и что не пишу ей потому, что не хочу.

Глаза ея наполнились слезами, она взяла графиню за руку, прижала ее къ своей груди и почему-то сказала:—

— Простите меня, тетя!.. Я такая нехорошая!..

Она сказала это такимъ тономъ и поглядѣла такими глазами, что графиня почувствовала къ ней жалость.

— Дай сюда, Маруся, твое письмо, сказала она ей,— и возвращайся сейчасъ-же домой. Я сама опущу его въ почтовый ящикъ!

Маруся бросилась къ ней на шею, горячо поцѣловала ее въ губы, сунула ей въ руку свое письмо и со всѣхъ ногъ помчалась обратно въ усадьбу.

Выждавъ, когда замолкли ея шаги, графиня распечатала ея письмо и стала читать.

„Я прочитала-бы это письмо, подумала она, если-бы его написала моя дочь. А этой дѣвчкѣ я замѣняю мать“.

По мѣрѣ того, какъ она его читала, щеки ея все больше и больше покрывались румянцемъ, губы дрожали и выраженіе жалости и въ то-же время горькой обиды разливалось по ея лицу.

— Бѣдная дѣвочка! прошептала она.—Но какая злая эта нѣмка!

Но и сознание своей собственной вины закопошилось въ сердцѣ у графини.

Не она-ли сама приказала этой женщинѣ обходиться съ Марусей какъ можно строже? Не она-ли сама поручила ей ни на шагъ не отходить отъ нея и читать каждую ея строку? И ей такъ стало вдругъ жалко Марусю, такъ захотѣлось вдругъ ее приласкать, утѣшить, сказать ей ласковое слово, что она остановилась и даже чуть не рѣшилась возвратиться обратно. Но письмо ея было спѣшное и важное и она снова стала продолжать свой путь.

Возвратившись домой, Маруся встрѣтила на крыльцѣ Луизу Карловну.

— Вы гдѣ это изволили пропадать, сударыня? строго спросила ее гувернантка.

Маруся смутилась.

— Я... я ходила провожать тетю... пролепетала она.

— А кто писалъ на окошкѣ письмо? Кто позабылъ тамъ чернила, перо и бумагу? Дайте мнѣ сейчасъ-же это письмо!

— У меня его нѣтъ!

— Гдѣ оно?

— У меня его нѣтъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ пожалуйте сюда!

Она схватила Марусю за плечо, провела ее по корридору, отворила

передъ нею какую-то дверь и впихнула ее въ маленькое, темное помѣщеніе подъ лѣстницей.

Это былъ чуланъ.

— Сидите здѣсь! крикнула гувернантка и на два оборота заперла дверь на ключъ.

Маруся уже не могла плакать. Она прижалась въ уголокъ, глядѣла въ темноту и молчала. Надъ ея головой раздавались взадъ и впередъ шаги дѣтей и взрослыхъ, скрипѣли половицы и что-то сыпалось сверху. Ее наказывали такъ въ первый разъ за всю ея жизнь.

„Все равно“! думала она. — „Все равно“!

Прошелъ часъ, а можетъ быть и больше. Маруся не могла счесть времени, сидя въ темнотѣ. Оно показалось ей безконечнымъ. Она устала стоять, опустила въ уголку, обняла колѣни и положила на нихъ голову.

И вдругъ до нея донесся голосъ графини.

— Гдѣ Маруся? спрашивала она.—Маруся, гдѣ ты? Поди сюда!

— Она наказана! отвѣтила гувернантка.—Она мнѣ нагрубилла и я посадила ее въ чуланъ!

— Куда?

— Въ чуланъ!

— Проводите меня сейчасъ-же къ ней!

Графиня сказала это такимъ тономъ, что Луиза Карловна не отвѣтила ей ничего и безпрекословно повела ее къ чулану.

Раздались два щелканья ключа и отворилась дверь. Графиня просунула въ нее голову и, не видя въ темнотѣ Марусю, прищурилась и стала оглядываться по сторонамъ.

— Маруся, дѣточка моя, сказала графиня, — гдѣ ты?

— Я здѣсь, милая тетя!.. слышался голосокъ изъ дальняго угла.

Графиня вошла въ чуланъ, схватила дѣвочку за плечи, подняла ее на ноги и крѣпко прижала ее къ себѣ.

— Прости меня, дорогая моя!.. сказала она. — Я не знала, что тебѣ у насъ такъ не хорошо!

И Маруся почувствовала, какъ двѣ теплыя слезы скатились ей на голову изъ глазъ графини. Она бросилась къ ней на шею, крѣпко обхватила ее руками и стала ее цѣловать.

— Тетечка!.. Тетя!.. повторяла она. — Милая, дорогая, драгоценная тетя!..

Тутъ-же стояла Луиза Карловна и кусала себѣ губы. Прибѣжала на скандалъ Аграфена, пришли лакей Гаврила Николаевичъ и горничная въ накрахмаленномъ чепцѣ, которая въ это время накрывала на столъ для вечерняго чая, и всѣ они съ возмущеніемъ смотрѣли на гувернантку и сожалѣли о Марусѣ.

Проходя мимо Луизы Карловны, графиня строго на нее поглядѣла

и молча увела Марусю съ собой. Гувернантка, тоже молча, поднялась по лѣстницѣ и ушла къ себѣ.

— Её-бы самое посадить въ чуланъ! проворчалъ ей вслѣдъ Гаврила Николаевичъ.

— Такъ-бы я ее и растерзала! сказала Аграфена. — Такъ-бы я ее и разорвала на части!

А горничная въ накрахмаленномъ чепцѣ и тутъ осталась вѣрной себѣ: какъ она не произнесла еще до сихъ поръ ни одного слова, такъ не сказала ничего и сейчасъ.

А графиня отвела Марусю въ гостиную, сѣла на диванъ и притянула ее къ себѣ.

— Успокойся, мое дитя, сказала она. — Все обойдется и войдетъ въ свою колею. Я постараюсь замѣнить тебѣ мать и постараюсь сдѣлать такъ, чтобы ты была счастлива и весела.

За чаемъ всѣ почему-то молчали. Послѣ чаю всѣ рано разошлись по своимъ комнатамъ. А когда настало время идти спать и Маруся поднялась къ себѣ наверхъ, то ея комнатка оказалась пустой. Для нея была устроена другая комната, внизу, рядомъ съ дѣтской, и вся была теперь обставлена букетами цвѣтовъ.

Маруся раздѣлась, легла въ мягкую постель, укрылась простынею и послѣ столькихъ тревоженій заснула крѣпкимъ, успокаивающимъ сномъ.

Утромъ она слышала сквозь сонъ чьи-то шаги, какую-то возню, но ей такъ сладко спалось на новомъ мѣстѣ, что она не захотѣла прислушиваться и открывать глаза. А когда солнышко поднялось уже настолько, что заглянуло ей прямо въ лицо, то она спохватилась, что пора уже вставать, и вскочила.

Было уже девять часовъ.

Замѣтивъ, что она проснулась, къ ней подбѣжала Аграфена и бросилась на колѣни передъ ея кроватью.

— Уфхала! заговорила она. — Дай я тебя, ангела, поцѣлую за это! Дай я тебя обниму! Уфхала и слѣдъ ея простылъ! Гаврила Николаичъ даже и полы послѣ нея подмелъ!

— Уфхала? Кто уфхалъ? удивилась Маруся.

— Губернантка уфхала! Задрала носъ кверху и уфхала! Не хочу, дескать, у васъ больше служить! Ахъ, ты колбаса чухонская!..

И сказавъ еще нѣсколько неслестныхъ отзывовъ о Луизѣ Карловнѣ, Аграфена обхватила Марусю поперекъ тѣла и стала ее ласкать и цѣловать. Нацѣловавшись досыта, онѣ обѣ сѣли на край кровати и стали разговаривать. Аграфена рассказала Марусѣ, какъ ее возилъ когда-то ея пріемный отецъ по аллеямъ парка, а Маруся ей, — какъ она жила на берегу моря съ няней и какъ неожиданно пріѣхалъ за нею графъ и увезъ ее сюда.

А тѣмъ временемъ Гаврила Николаевичъ накрывалъ на балконѣ чай.

К. Тр.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАННЕЙ ВЕСНОЙ.

Въ паркѣ любимомъ сажу на скамейкѣ...
Нѣтъ на кустахъ и деревьяхъ листвы,
Тополя почки душисты и клейки,
И одуванчикъ глядитъ изъ травы...
Солнце съ небесъ улыбается ярко,
Виденъ вдали зеленѣющій лугъ,
Рѣчка блеститъ на окраинѣ парка,
Громко чирикаютъ птички вокругъ..
Птички изъ странъ возвратилися южныхъ,
Гнѣздышки лѣпятъ, хлопчутъ, кричатъ...
И облаковъ золотистыхъ, жемчужныхъ
Въ небѣ лазурномъ проносится рядъ...
Время придетъ, и горошекъ душистый,
Розы, левкой разрастутся у насъ...
Но, одуванчикъ мой, нѣжный, пушистый,
Ты мнѣ милѣе, чѣмъ розы, сейчасъ!..

А. Н.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задумано названіе хищной птицы. Если въ немъ переставить согласныя буквы, то получится то, что бываетъ на ржи и пшеницѣ.

Какая это птица?

II.

Если къ названію жвачнаго животнаго прибавить названія кусающихъ насѣкомыхъ, то получится нѣчто, что грѣетъ человѣка и животныхъ и чего нѣтъ вовсе у птицъ и у большинства насѣкомыхъ.

Что это?

Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусы и головоломки, печатаются по мѣрѣ полученія отъ нихъ рѣшеній съ почты. Поэтому рѣшенія, опоздавшія къ текущему номеру, помѣщаются всегда въ слѣдующемъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Витя и Володя Эгельштейны изъ Кишинева, Сережа Григорьевъ, Гавриилъ Сазоновъ изъ ст. Каменской, Ангелина Луцкая изъ Ростова на Дону, Боря Доллинъ, Ниночка Палирова, Лидуша и Маня Крыловы, Валентинъ Шпаковский изъ Острова Ломж. г., Женя Стрекоза, Соня, Геня, Изя Ступникеръ изъ Лодзи, Олюся Богатырева изъ Барнаула, Валя Крикмейеръ, Коля Нарцевъ изъ Павловска Ворон. г., Игорь изъ Москвы на открыткѣ съ картинкой мальчика и собачки, Вася Черкасовъ изъ Ревеля, Коля Павловъ, «Золотая Дѣтка», Женя Якобсонъ изъ Нарвы, Женя Филипповъ, Вася Моско изъ Телава, Маруся Кулигина, Шура Завальный изъ Риги, Миша Кормилицынъ изъ Симбирска, Сережа Тушканчикъ, Галя и Витя Козловы изъ Могилева, Боря Подкарповъ изъ Либавы, Валентина Браткова изъ Кіева, Марина Петрова, Иванъ Гольдштейнъ изъ Кѣлецъ, Игорь Китаевъ изъ Москвы, Ратя Концевичъ изъ Омска, Боря Афанасьевъ, Шура и Галя Фруктовы изъ Елатъмы, Володя Воскресенскій изъ Бѣлева, Коля Осколковъ изъ Шуи, Катруся Бобкова со ст. Ломъ, Сережа Фохтъ, Валя Ведерниковъ, Вова изъ Стараго Оскола, Кока Василевскій, Мухка Ляшевская изъ Таганрога, Талочка Цвѣтаева, Николай Орловскій со ст. Сѣверской, Оля Безсонова изъ Михайлова, Ваня Вльчченко изъ Перемышля, Сима

III.

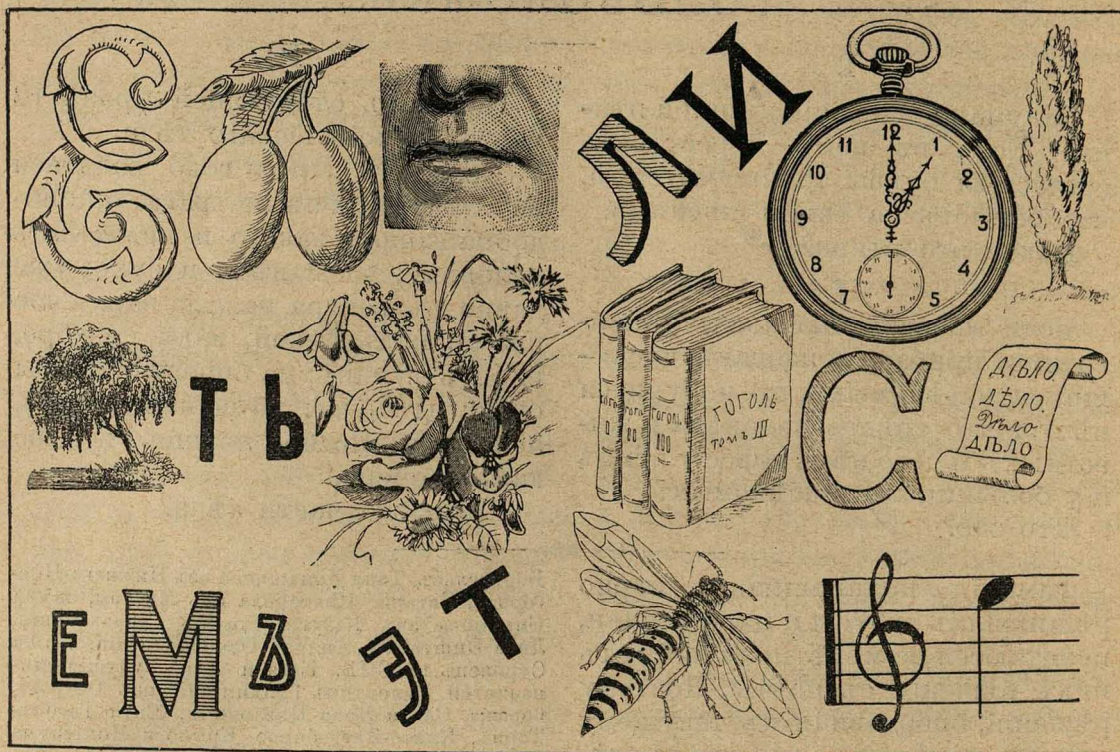
Найти въ слѣдующей фразѣ 12 частей человѣческаго тѣла.

Тамъ, гдѣ сыро и голо. валяются не слѣдуетъ: спи на травѣ; она подобна коври, какого и не соткать человѣку; росы нѣтъ и сухо; уже давно съ вечера зажгла заря свое пламя; надъ рѣкой, какъ серебро, виситъ туманъ; на берегу было-бы сыро; здѣсь-же, на вершинѣ горы, ложиться можно; ложись и еще какъ заснешь!

Какія это части тѣла?

Бортфельсъ, Таня Домашнева изъ Нижняго-Новгорода, Наташа Центерова изъ Москвы, Музя Смирнова изъ Калуги, Борисъ Сеславинскій, Лека Эпштейнъ, Андрей Озерецковскій, Миша Суровець въ СПБ., Катя и Аня—будущія гимназистки, Валентинъ Гуляницкій изъ Острога, Сережа, Оля и Лена Павловичи, Витя Гагенъ-Торнъ, Квито-Ястребиное Крыло и Монтезума Соколиный глазъ — вождь неукротимыхъ — изъ Нѣжина, Леля и Наташа Сикевичъ изъ Замброва, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Надя изъ Лебедина, Надя Карташева изъ Чугуева, Володя Ревенко изъ Харькова, Тамара и Геля Коровкины изъ Кириллова, Люба Елагина изъ Москвы, Пепя Богдановъ, Яша, Лиза и Леля Комаровскіе изъ Ивенца, Павлуша Соколовъ изъ Тамбова, Борисъ и Жоржъ Соловьевы изъ Кіева, Ксендичка Цетреусъ изъ Вильны, Оля Павлова изъ Харькова, Роза Агафурова изъ Екатеринбургa, Николай и Владиміръ Сахаровы, Витя Бейтлеръ, Вася Рудаковъ изъ Подлинска, Лиза и Оля Тукманкины и М. И. Рыбаковъ, Юра Шталь изъ Лодзи, Зина и Маруся Евсиковы, Шура Усиневицъ изъ Бендеръ, Оля и Валя, Набоковы изъ Самары, Симочка, Эльзочка и Шурочка изъ Новочеркасска, Шура и Боря Тихомировы изъ Кургана, Андрюша Ѳедотовъ донской казачекъ и его тетя Таня Волчихина, Юра и Женя Петровы, Володя Левашевъ изъ Новороссійска. Шурочка Ожигова въ СПБ., Галя Ротмистрова изъ Житомира, Галя Руслювичъ, Шура и Нина Проскуряковы изъ Вологды, Николай Орловскій со ст. Сѣверской, Коля и Миша Буяловы изъ Ульяновки, Коля Капустинъ изъ Выксы, Леля Васильевъ изъ Оренбурга, Коля Нина и Руфа Смолины изъ Челябинска, Юлій Чайковскій со ст. Дурасовки, Борисъ Гольдзамъ изъ Бугуруслана, Александръ Крафтъ, Володя Семинель изъ ст. Фунду-Галбино Бесс. г.

Ребусъ № 11.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ и головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшіи годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Перемѣна адреса—28 коп.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СЪДАЯ СТАРИНА“.

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.